

Л. Хьюз

Царевна Софья

<...>В 1667 г. Симеон стал воспитателем наследника престола царевича Алексея.¹ После смерти Алексея в 1670 г. он переключил свое внимание на Федора и, очевидно, на одну из девочек, а именно – на Софью. Принято считать, что этот факт из биографии царевны, неизменно упоминаемый даже в самых кратких очерках о ее жизни, оказал плодотворное воздействие на ее характер, ибо даже враги Софьи считали ее женщиной умной, честолюбивой и образованной.² К сожалению, мы располагаем в лучшем случае косвенными свидетельствами о том, что София обучалась у Симеона Полоцкого. Так, например, мы не знаем, когда началось это обучение, хотя недавнее исследование о Полоцком дает основание предполагать, что это случилось в 1667 г., когда девочке было десять лет, и когда ее учитель одновременно был наставником царевича Алексея.³

Косвенные свидетельства об отношениях Полоцкого с Софьей есть также в чисто цитируемом посвящении к рукописи его книги «Венец веры католической», написанной в 1670 году. Это вирши, сохранившиеся в единственном списке в сборнике «Рифмологион», который был составлен в 1678 – 1680 гг. Когда было написано посвящение, в нем не указано.

«О благороднейшая царевна Софиа,
Ищещи премудрости выну небесныя.
По имени твоему жизнь твою ведещи:
Мудрая глаголещи, мудрая деещи...
Ты церковныя книги обыкла читати
И в отеческих свитцех мудрости искати.
Увидевши же, яко и книга новая
Писася, яже Венец веры реченная
Возжелала ту еси сама созерцати
И еще в черни бывшу прилежно читати
И познавши полезну в духовности быти,

¹ Биографический очерк о Полоцком см. мою статью: ModernEncyclopediaofRuisanandSovietHistory. 1982. Vol. 29. P. 8 – 11. Небольшое исследование его литературного творчества см.: HippisleyA. ThePoeticStyleofSimeonPolotsky. Birmingham. 1983.

² См., напр.: Энциклопедический словарь. Т. 30. СПб., 1900. С. 598; Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971. С. 362.

³ Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 93.

Велела еси чисто ону устроити...»⁴

«Венец веры» представляет собой полемический религиозный трактат, толкующий апостольское предание с позиций Западной церкви и Вульгаты. Даже для своего времени он едва ли был пригоден для легкого чтения. Желание Софьи прочитать эту книгу свидетельствует о серьезности ее намерений и о том, что она посвящала вопросам веры достаточно большое внимание, несмотря на свои годы. Вдобавок ко всему она, вероятно, отдавала дань восхищения самому Полоцкому, вводя тем самым его в свое окружение, в котором мужчины были большой редкостью. У Софьи были и другие произведения поэта, например антология «Вертоград Многоцветный» - тематический сборник стихов, расположенных в алфавитном порядке, и, очевидно, являвшийся компиляцией, созданной специально для царских детей. В период правления царицы был изготовлен специальный список «Псалтири рифмотворной» с нотами. Он был преподнесен Софье дьяком В.И. Титовым.⁵

Таким образом, в нашем распоряжении есть вполне убедительные свидетельства того, что Софья знала и почитала творчество Симеона Полоцкого. К сожалению, в разрядных записях не сохранилось сведений об обучении царицы, но представление об этом можно составить из других источников. Возможно, Софья владела польским языком (польские источники утверждают, что она увлекалась чтением современных богословов, таких как Лазарь Баранович), но неизвестно, изучала ли она латынь, которую также преподавал Симеон Полоцкий. Несомненно, царица проявляла живой интерес к богословским вопросам. Говорят, что у нее был изящный почерк и что она даже сочиняла стихи, ни один из списков которых, правда, не сохранился.⁶ Любое из этих качеств выделяет ее среди современников и помогает понять, почему она вышла на авансцену в мае 1682 года <...>

В нашем распоряжении нет источников, из которых можно было бы узнать о реакции Софьи на смерть отца. В день похорон Симеон Полоцкий преподнес наследнику книгу стихов, в которой, в частности, описал скорбь дочерей по своему родителю. В книге покойный государь «со заветом отчим» обращается «ко всему пресветлому царскому дому» и получает «от них же всех ответы».⁷

⁴ Летописи русской литературы и древности. Т. 3. Кн. 6. М., 1861. С. 86 – 87. Описание книги «Рифмологион» см.: Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий... С. 259 – 308.

⁵ Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий... С. 132. О библиотеке Софьи см. ниже.

⁶ О литературной деятельности Софьи см. ниже.

⁷ Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий... С. 294.

Так в возрасте четырнадцати лет на трон взошел Федор Алексеевич. Он был старшим сыном царя Алексея Михайловича и наследником престола, о чем жители столицы были уведомлены еще в 1674 г. Современные источники ничего не говорят о попытках помешать воцарению Федора. Вступление на царство произошло по установившейся традиции, а не по закону о престолонаследии. В то же время ходили слухи, что опекун царицы Натальи Артамон Матвеев, который в это время возглавлял Посольский приказ, опасался, что его позиции могут пошатнуться в результате интриг Милославских, и попытался провозгласить государем царевича Петра. Анонимный польский источник, так называемый «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году», написанный, вероятно, летом 1683 года, утверждает, что Матвеев скрывал известие о смерти царя Алексея и о благословении на царство Федора от бояр и духовенства, собравшихся у дверей царских покоев. Посадив на трон трехлетнего Петра, он будто бы говорил, что «Федор опух и лежит больной, так что мало надежды на его жизнь и еще меньше на то, чтобы он благополучно правил ими и воевал с внешними врагами».⁸ Однако патриарх Иоаким объявил последнюю волю Алексея Михайловича. Тем временем тетки и сестры нового царя «сидели безвыходно» вокруг него и «оберегали всячески его здоровье».⁹

Утверждение о том, что Матвеев пытался вмешаться в вопрос о престолонаследии, содержится также в меморандуме, написанном по-латыни, посланном папскому легату в Польше в 1682 г. Его автор утверждает, что Матвеев убеждал царя на смертном одре отдать престол Петру в обход Федора и Ивана, ввиду их слабого здоровья. Осуществлению этого плана предположительно помещали тетки и сестры Федора Алексеевича, в особенности царевна Софья, единственная, которую источник называет по имени. Софья якобы обратилась за помощью к Боярской Думе «с жалобным воплем и плачем».¹⁰ Как будет показано в дальнейшем, оба эти источника появились уже после прихода Софьи к власти и стали частью легенды о том, что ее честолюбивые планы стать правительницей государства появились еще в самом начале царствования Федора. Современные источники ни словом не упоминают о какой-либо борьбе вокруг престолонаследия после смерти царя Алексея Михайловича. Если покойный государь

⁸ Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. СПб., 1901. С. 15. (далее – Дневник). Обэтомисточнике см. ниже. Hughes L.A.J. *Ambitious and Daring above Her Sex: Tsarevna Sophia Alekseevna (1657-1704) in Foreigners' Accounts* // *Oxford Slavonic Papers*. 21. 1988. P. 65 – 89.

⁹ Дневник. С. 16.

¹⁰ *Narratorum quae post obitum Alexii Mickalowicz Russorum Imperatoris etc. Gestae sunt Moschuae XI Karl. Octobris an 1682* // *Ciampi S. Bibliografia critica*. Vol. I. Florence, 1834. P. 76. Обэтомисточнике см.: Hughes L.A.J. *Ambitious and Daring...* P. 67.

когда-либо и помышлял об отстранении от власти болезненного Федора и передаче власти подающему большие надежды Петру, он никогда не говорил об этом открыто.¹¹

Тем не менее, стоит обратить внимание на формуляр грамоты донским казакам от 3 февраля 1676 г., одной из многих грамот, в которых объявлялось о восшествии на престол нового государя. В ней содержался чин присяги всему царскому семейству, члены которого были названы поименно в соответствии с их положением, полом и возрастом. Имя царевны Софьи, как обычно, стояло между именами Марфы и Екатерины.¹² Можно предположить, что ввиду слабого здоровья Федора, юного возраста Петра и недееспособности Ивана, формулы царских указов уже не были простой формальностью, и что теперь женщина из царской семьи могла, хотя бы временно, взять власть в свои руки<...>

Согласно другой распространенной точке зрения, которая кочует из одной монографии в другую, возвышение Софьи с самого начала было связано с тем, что у нее был друг и помощник в лице Василия Васильевича Голицына.¹³<...>Из записок Невилля следует, что план царевны «не мог бы иметь успеха без большой партии сторонников, и она решила ее составить; изучив достоинства всех, она сочла, что нет никого достойнее, чтобы стать во главе ее, чем князь Голицын».¹⁴

Более того, если верить Невиллю, союз между царевной и князем выходил за рамки чисто политического. Автор недавно опубликованной популярной биографии Романовых выразил их отношения наиболее красочно: «добиваясь высшей внутренней свободы, Софья затащила к себе в постель Голицына и сделала его своим любовником».¹⁵ Это «внутреннее освобождение» должно было стать вдвойне смелым поступком, поскольку у Голицына была жена и несколько детей. Эта версия, в которой переплетаются любовная и политическая интриги, дала пищу авторам исторических романов и создала мифы о жизни царевны Софьи. В частности, эта версия представлена в романе Алексея Толстого «Петр

¹¹Некоторые источники XVIII в. зафиксировали слухи, что когда Федору советовали жениться после смерти его первой жены, он ответил: «Отец мой по тому же имел намерение Петра наречи еще по себе на Царство, но юных ради лет его нарече мя». Федор, таким образом, готов был уступить трон Петру, потому что сам был болен. Однако в 1682 г. о «воле» Федора не упоминается. Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т.1. М., 1788. С. 148.ч

¹²Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. №. 103. С. 333 – 335.

¹³ОГолицынесм.: HughesL.A.J. Russia and the West: The Life of a Seventeenth-Century Westernizer Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643 – 1714). Newtonville, Mass., 1984; Smith A.F. Prince V.V. Golitsyn: the Life of an Aristocrat in Muscovite Russia (unpublished PhD thesis). UniversityofHarvard, 1987.

¹⁴Де ла Невилль. Записки о Московии. Пред., подг. текста, перевод и коммент. А.С. Лаврова. М., 1996 (далее – Невилль). С. 136. Рукопись хранится в Парижской национальной библиотеке: «Récitdemonvoyage».(Paris. Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. NAF 5114. F. 46). ОНевиллесм. Ниже, атакже: HughesL.A.J. AmbitiousandDaring...P. 83 - 86.

¹⁵Lincoln W. Bruce. The Romanovs. London, 1981. P. 67.

Первый».¹⁶ Возможно, она является следствием извечного представление о женском правлении, согласно которому лишь немногие представительницы слабого пола способны властвовать, не имея поддержки со стороны мужчин.

На совести Невилля еще одна деталь в сложном политическом портрете Софьи. Он писал, что царица была безобразна. На полях своей рукописи французский путешественник оставил замечание, которое неоднократно цитировалось в исторических трудах: «она ужасно толстая, у нее голова размером с горшок, волосы на лице, волчанка на ногах, и ей по меньшей мере 40 лет».¹⁷ Вероятно, Невилль никогда не видел Софью. В 1689 г., когда он писал эти строки, царице было тридцать два года, но так как никто кроме него даже не пытался описать ее внешность, этот безапелляционный портрет неизменно привлекает к себе всеобщее внимание. Невилль добавляет: «ее ум и достоинства вовсе не несут на себе отпечатка безобразия ее тела, ибо насколько ее талия коротка, широка и груба, настолько же ум ее тонок, пронизателен и искусен».¹⁸ Психологический портрет завершен. В заключении своей биографической работы о Романовых ее автор написал, что Софья «для того, чтобы добиться успеха, должна была полагаться в основном на свой ум... потому что ни одна черта ее внешности не могла бы заставить мужчин подчиниться ее делу».¹⁹

Поскольку современный биограф сталкивается с проблемой молчания русских источников обо всем, что касается царицы Софьи в период с 1676 по 1682 г., вряд ли можно винить его в том, что он вынужден хвататься за соломинку, которой в данном случае являются записки иностранцев, пусть даже они были составлены через много лет после описываемых событий. Само собой разумеется, с такими источниками следует обращаться очень осторожно. Косвенные свидетельства не исключают возможность контактов Василия Голицына и Софьи до ее прихода к власти. Князь служил при дворе с 1658 года. Мы видим его в свите, сопровождавшей царя Алексея Михайловича и его семью и в окружении Федора во время его выходов в 1678 – 1679 гг.²⁰ Мать Голицына находилась на службе у царевича Петра. Можно также согласиться с тем, что постоянные болезни Федора требовали совещаний с придворными в спальне государя, и что Софья, ухаживая за больным, имела возможность встречаться с Голицыным в довольно интимной

¹⁶Толстой А.Н. Петр Первый. Роман. Кн. 1. 1929 – 1930. Кн. 2. 1933 – 1934. Роман много раз переиздавался. См., например: Россию поднял на дыбы. История отечества в романах, повестях, документах. Века XVII – XVIII. Т.1. М., 1987. С. 33 – 350.

¹⁷Невилль. С. 159.

¹⁸Там же.

¹⁹Lincoln W. Bruce. The Romanovs. P. 67.

²⁰Дворцовые разряды. Т.III. С. 1165 – 1634.

обстановке. Однако пойти дальше и усмотреть в этих встречах любовную интригу означало бы попасть под влияние обычаев и нравов королевских домов Европы, с которыми иностранцы, распускавшие подобные слухи, были гораздо больше знакомы, чем с событиями, происходившими в Москве в 70 – 80-х гг. XVII в.

До своего прихода к власти Софья едва ли могла бросить вызов идеалам непорочности и благочестия. Ведь она жила в окружении, где малейшая неосмотрительности моментально могла быть замечена не только членами семьи, слугами и придворными, но и вездесущим дворцовым духовенством. Такой вызов кажется маловероятным, но все же возможным. Указания источников на неопределенный характер интимных отношений вовсе не свидетельствуют об их отсутствии. Однако каковы бы ни были опасения Софьи относительно здоровья своего царственного брата, нет абсолютно никаких оснований винить ее в каких-либо политических играх вплоть до кончины государя, последовавшей 27 апреля 1682 г.<...>

Совсем недавно А.П. Богданов высказал сомнения относительно того, что регенство было оформлено в 1682 г.²¹ Хотя он не отрицает, что Софья *defacto* была правительницей, однако полагает, что обращение собора и тройная формула царских указов фактически были «сфабрикованы» в 1687 – 1689 гг., когда Медведев писал свое «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92». Сочинение это представляет собой компиляцию, созданную в преддверии ожидаемой коронации Софьи²² на основе подлинного документального материала (например, на основании записей о солнениях среди стрельцов в начале 1682 г.). Большая часть этого материала была предоставлена Федором Шакловитый, одним из наиболее преданных сторонников Софьи, который стал новым главой Стрелецкого приказа, а впоследствии одним из самых могущественных людей времен регенства. Согласно гипотезе Богданова, решение «всех чинов людей» было выдумано Медведевым в дополнение к решению о совместном правлении и «субординации» двух государей, Петра и Ивана. Озабоченность Медведева была вызвана не самовластием Софьи, которое в 1687 г. не вызывало ни у кого сомнений, а необходимость создать для ее регентства правовую основу.

²¹Богданов А.П. Памятники общественно-политической мысли в России XVII века. Литературные панегирики. М., 1983. С. 262. Он же. СильвестрМедведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 89 – 90. См. также: Hughes L. Sophia, «Autocrat of All the Russia» // Canadian Slavonic Papers. 1986. 28. P. 267 – 270.

²²Богданов А.П. К истории текста «Созерцания краткого» // Тсследования по источникововедению истории дооктябрьского периода. М., 1983; К вопросу об авторстве «Созерцания краткого» // Исследования по источникововедению истории дооктябрьского периода. М., 1987.

Теория Богданова объясняет загадочное молчание современных источников об оформлении статуса Софьи 29 мая 1682 г. Многие источники зафиксировали сам факт установления совместного правления 26 мая, но ни один из них не упоминает о регенстве. Например, «Мазуринский летописец» и «Летописец 1619 – 1691 гг.» от установления диархии 26 мая сразу переходят к событиям июня.²³ Приказная документация, например, записи Разрядного приказа, или источник, известный под названием «Смутное время», также ничего не говорят об установлении регенства.²⁴ Те источники, которые все-таки упоминают о нем, например, указы, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи» или «Собрание государственных грамот и договоров», основаны на компиляции Медведева.²⁵ Андрей Матвеев писал, что 18 мая «якобы третья царствующая и правящая общим скипетром той Российской империи особа, сидением своим она во всех палатных советах с сильным своим Монаршеской Державы повелением присутствовала».²⁶ Однако, известно, что он писал свои записки с 1720-х гг. и, очевидно, не преминул сослаться на желание народа видеть Софью в качестве регента. Вероятно, наиболее убедительным доказательством того, что никаких формальных приготовлений к регентству попросту не было, является тот факт, что тройной царский титул, предположительно составленный 29 мая, никогда не употреблялся. В то же время есть немало свидетельств тому, что Софья уже в начале своего правления заслушивала челобитные на заседаниях Боярской Думы, издавала указы и распоряжения, но в официальных документах неизменно присутствуют имена только двух царей.²⁷ Например, 14 июня 1682 г. запорожские казаки во главе со своим гетманом приносили присягу на верность Ивану и Петру.²⁸ Только в 1686 г. Софья стала добавлять свое имя к именам братьев почти во всех указах, касающихся внутренней политики. В них она именовалась «самодержицей», то есть равной им по положению.²⁹

Следует подчеркнуть, что в 1672 г. Софья, несомненно, сосредоточила власть в своих руках, но ее статус правительницы не был оформлен законодательно. Причиной тому, очевидно, была традиция, которая требовала, чтобы эту роль взяла на себя мать Петра. Однако политическая ситуация мешала этому, поскольку Иван был уже достаточно

²³ Полное собрание русских летописей. Т. 31. М., 1968. С. 176, 199.

²⁴ «Смутное время» С. 279; Записки Разрядного приказа за 27 апреля – 25 октября 1682 г. // Буганов В.И., Савич Н.Г. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976. С. 257.

²⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. М., 1828. С. 443 – 445; Полное собрание законов. Т.2. С. 398 – 401.

²⁶ Матвеев А.А. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 34.

²⁷ См., например: Полное собрание законов. Т.2. С. 503.

²⁸ Там же. С. 410 – 411.

²⁹ Hughes L. Sophia, «Autocrat of All the Russia»: Titles, Ritual and Eulogy in the Regency of Sophia Alekseevna (1682 – 1689) // Canadian Slavonic Papers. 1986. 28. P. 265 – 286

взрослым. (Напомним, что Феор правил страной с четырнадцати лет без какого-либо регента). Тем не менее, Иван Алексеевич так и остался нетитулованным государем до конца своих дней. Должна ли была Софья оставаться регентом до его смерти, или ей предстояло расстаться с властью, когда Петр достигнет совершеннолетия? Вряд ли эти вопросы серьезно обсуждались в то время, когда в первую очередь нужно было найти способ установить при дворе хотя бы элементарное подобие порядка. Следует учитывать и то, что в мае 1682 г. власть Софьи была далеко не абсолютной. Некоторые Нарышкины были убиты или отправлены в ссылку, был мертв и Артамон Матвеев, но «ненавистная мачеха» все еще имела широкие полномочия, как и большинство бояр, поддержавших избрание Петра 27 апреля. Большим влиянием обладал и патриарх Иоаким, чьи симпатии склонялись в пользу Нарышкиных. Примечательно то, что ни в одном источнике нет ни единого упоминания о том, чтобы кто-нибудь, а тем более Софья, требовал низложения Петра, который неизбежно должен был стать помехой для своей сестры. Самое большее, чего удалось добиться Софье – это восстановить в правах царевича Ивана и, ведя «осторожную и умную политическую игру», помешать полному падению влияния Милославских³⁰<...>

После падения Софьи большинство авторов напишут, что она замышляла убийство Петра, плохо с ним обращалась и даже держала его под стражей.

Что касается первого обвинения, то мы рассмотрим его позже. Второе можно отвергнуть, отчасти благодаря свидетельству Разрядных записей, которые скрупулезно фиксировали все выходы Петра. Они показывают, что цар принимал посильное участие в церковных праздниках, а если и отсутствовал на них, особенно в конце регентства Софьи, то только для того, чтобы предаться своим любимым занятиям: военным учениям или плаванию на парусных лодках. Разумеется, никаких гонений на царя со стороны его сестры не было, и уж тем более не могло быть и речи о том, чтобы его содержали под стражей. Нет оснований утверждать, что Софья «душила естественный свет Петра»³¹, или что сам Петр жаловался на плохое обращение. Однако отношения между сводными братьями и сестрой были непростыми. Можно привести немало примеров, когда Софья и Иван совместно участвовали в разного рода церемониях, но на разу царевна не выходила в сопровождении одного Петра<...>

³⁰Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 141.

³¹Banks J. A New History of the Life and Reign of the Czar of Peter the Great, Emperor of all Russia, and Father of His Country. London, 1740. P. 48.

Среди боярской аристократии, на которую опиралась Софья, особенно выделялись несколько человек. Самым заметным из них был князь Василий Васильевич Голицын, главный государственный деятель периода регенства. До сих пор он оставался в тени, поскольку трудно установить, каково было его отношение к Софье до 1682 г. Как уже говорилось, некоторые авторы полагают, что они встретились у постели умирающего царя Федора Алексеевича, и тогда же началась их любовная связь. Однако нравы той эпохи не допускали подобных отношений, к тому же в 1676 – 1682 гг. Голицын часто отсутствовал в Москве. Не выдерживает серьезной критики и предположение, что князь был одним из тех, кто стоял во главе заговора во время майского восстания. Его имя редко фигурирует в записках современников, даже тех, кто был враждебно настроен по отношению к Софье.

Достоверно известно, что сближение Голицина и Софьи началось 16 – 17 мая 1682 г., когда князь был назначен главой Посольского приказа. Необходимость назначения была вызвана произошедшим накануне убийством бывшего главы этого ведомства Лариона Иванова. Выбор Голицына на вакантное место был полностью оправдан. Князь происходил из знатного рода и имел хороший послужной список. Голицыны по праву рождения становились членами Боярской Думы. Сам Василий Васильевич стал боярином в 1676 г. В 1672 – 1678 гг. он служил на Украине, а в 1680 – 1681 гг. был посредником между русскими и казаками в этом регионе. В 1677 г. Голицын оборонял от турок Чигирин. Он также имел опыт гражданской службы: возглавлял Пушкарский и Владимирский приказы.

Но, очевидно, самым важным было то, что незадолго до кончины Федора Алексеевича Голицын возглавил комиссию по отмене местничества. Это назначение, видимо, имело двойные последствия. Во-первых, служба князя государю побудила Софью обратить на него внимание, во-вторых, его готовность покончить с практикой назначений на высшие посты в зависимости от происхождения и послужного списка предков могли настроить против него знать и родовитое дворянство. Последнее обстоятельство говорит в пользу того, что многие представители старой аристократии поддержали избрание Петра в надежде, что с тенденциями назначений на службу в соответствии с личными заслугами, наметившимися в конце правления Федора, будет покончено. Таким образом, Голицын был чуть ли не единственным представителем боярства, оказавшимся на стороне Милославских.

Однако этому аргументу не хватает последовательности. Как установил Роберт Крами, за четыре месяца прошедших между майским восстанием и решающим столкновением Софьи с Иваном Хованским, думные чины получили двадцать шесть

человек. Большинство из них вошло в Думу из-за знатности рода, а не из-за того, что они были преданы Милославским.³² Другими словами, неофициально система местничества продолжала действовать. Как мы увидим, она применялась и при назначениях на государственные должности. Таким образом, не будучи фаворитом, Голицын для своего времени, когда на профессиональные способности еще не обращали внимания, был прекрасно подготовлен для государственной службы. Он заслужил доверие не только своим участием в украинских и турецких делах, которые оставались в центре внешней политики Софьи, но и тем, что пользовался репутацией «друга иностранцев» и мог изясняться на иностранных языках.

По всей видимости, удачное сочетание родословной, личных способностей и лояльности к царю Федора Алексеевичу и привело Голицына к руководству самым важным государственным учреждением. Между прочим, благодаря женитьбе на Евдокии Ивановне Стрешневой князь сблизился с одной из самых богатых и влиятельных дворцовых группировок. (Евдокия Лукьяновна Стрешнева была женой царя Михаила Федоровича). Вскоре князь был удостоен новых почестей. В декабре 1682 г. он возглавил Иноземный и Рейтарский приказы и получил титул «царственные больше печати и государственных великих посольских дел оберегатель».³³ Дополнительные доказательства влияния Голицына легко найти, взглянув на списки членов Боярской Думы, которые сопровождали царей во время официальных церемоний. Имя князя фигурирует в них довольно часто. Но, хотя иностранцы и называли его «первым министром», нужно заметить, что в России семнадцатого века не только не было подобного титула, но и служебные обязанности первого человека в государстве, каким был Голицын, не были точно определены. Софья могла испытать способности князя, вверив ему внешнеполитические дела. Но Голицын не оправдал ее надежд. Он не стяжал воинской славы и не смог оказать ей ощутимой поддержки в 1689 г., когда она была ей столь необходима, чтобы удержаться у власти<...>

Чтобы узнать, какие книги предпочитали читать русские люди на исходе XVII столетия, нужно заглянуть в библиотеку одного из ярких представителей своего времени. Пожалуй, наиболее впечатляющей библиотекой, по крайней мере по московским меркам, располагал Василий Голицын. Его книжное собрание было конфисковано вместе с остальным имуществом после ссылки князя в 1689 г. Библиотека насчитывала двести шестнадцать наименований рукописных и печатных изданий, девятости три из которых

³²Crummey R.O. *Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia 1613 – 1689*. Princeton, 1983. P. 203 – 205.

³³Полное собрание законов Российской империи. Т.2. СПб., 1830. № 358, С. 471; № 1134, С. 687.

находились в доме Голицына в Охотном ряду.³⁴ Половина книг была светского содержания и включала труды по истории и политике, такие как «История Эфиопии» Иова Лудольфа³⁵, «Об исправлении государства» Анджея Моджевского³⁶, «Политика» Юрия Крижанича³⁷, «Устав воинский голландской земли» и несколько хроник. В библиотеке была также книга «Учение и хитрость ратного строения», изданная в Москве в 1649 г.,³⁸ Соборное Уложение, календари, азбуки, лечебники, «Вручение Софьи привилегии на академию», труды Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, Дмитрия Ростовского, а также переводные повести и романы, о которых мы уже упоминали. Семь книг было на немецком, две – на польском языке и одна польско-латинская грамматика. Хотя иностранной литературы в библиотеке было очень мало, следует помнить, что Голицын мог пользоваться книгами из собрания Посольского приказа, располагавшего самым обширным собранием зарубежных изданий<...>

Но что же читала сама Софья? Можно ли утверждать, как заметил один исследователь, что она «любила стихи, проповеди, жития святых и народный фольклор»?³⁹ К сожалению, описи ее библиотеки не сохранилось (маловероятно, что она вообще когда-либо были составлена), однако можно проследить судьбу тех книг, которые прошли через ее руки. Например, в 1683 г. Софье перешла часть библиотеки Федора Алексеевича, из которой двенадцать книг было передано Петру, а две – Софье. Это были труды Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» и «Венец веры», доставленные 27 мая в комнаты царевны И.М. Милославским.⁴⁰ Интерес Софьи Алексеевны в работах Полоцкого хорошо известен. Стихотворная энциклопедия «Вертоград многоцветный» была написана специально для детей царя Алексея Михайловича – Федора и Софьи.⁴¹ Книги «Венец веры» и «Рифмологион» начинались с посвящения царевне Софье.⁴² В 1687 г. певчий дьяк В.И. Титов преподнес правительнице список «Псалтири рифмотворной»

³⁴ Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 107 – 110. Это анализ мареилов из Розыскного дела о Федоре Шакловитом. Т. 4. С. 9, 30 – 33, 55 – 56, 99, 160, 215. См. также: Hughes L.A.J. Russia and the West... P. 87 – 88.

³⁵ Подарено Лаврентию Рингуберу.

³⁶ Лавров А.С. Записки о Московии де ла Невилля // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. История, язык, литература. 1986. № 4. С. 90.

³⁷ Letiche J., Dmytryshyn D. (eds). Russian Statecraft: The Politika of Jurii Krizhanich. Oxford, 1985. P. XIV, XXV.

³⁸ Учение и хитрость ратного строения. М., 1647.

³⁹ O'Brien C. B. Russia under Two Tsars 1682 – 1689: The Regency of Sophia Alekseevna. Berkeley and Los Angeles. P. 50.

⁴⁰ Луппов С.П. Кина... С. 116.

⁴¹ Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий... С. 93.

⁴² Там же. С. 283.

Симеона Полоцкого в роскошном переплете, с нотами и посвящением в стихах. Это издание впоследствии было подарено Василию Голицыну.⁴³

Поэты посвящали Софье многочисленные оды и орации, некоторые из которых впоследствии попали в библиотеку Петра I. Среди них «Книга желательного приветствия мудрости» Кариона Истомина, подаренная царевне в 1683 г.⁴⁴ В марте 1687 г. Истомин преподнес Софье список книги Псевдо-Августина «Благовидная любовь». Подношение сопровождалось торжественной речью, которую произнесли учащиеся Славяно-греко-латинской академии. Речь начиналась словами: «Вем же вем Блаженная Государыня, богоизбранная пречестная София Алексиевна. Яко твое пресветлое величество благоуветливыми словесы, благорозумною мудростию, благоразумным смыслом, поче же прележною ко всеблагому Богу молитвою, не токмо всех россиян и российского царствия многостранного и многоземельного умочисленного народа, но и многих на вселенной истинных христиан народов в превеликую радость воинствуешися...» Другой подарок Софье сделал Карион Заулонский (Киевский). Он написал стихотворный «Панегирик» по случаю именин царевны в 1687 г. Заулонский, получивший образование в Киевской академии, называл Софью «украшением» престола московских государей.⁴⁵ В начале 1687 г. Осип Титов, служка Новодевичьего монастыря, преподнес царевне книгу «Звезда пресветлая», сказание о чудесах девы Марии, которое сопровождалось панегириком Софье и подборкой гравюр.⁴⁶ Сильвестр Медведев, как мы уже отмечали, написал «панегирик» царевне в 1682 г. К нему следует добавить «Плач» о царе Федоре и «Привилегию на академию» 1685 г. Кроме того, он писал для Софьи по заказу, например, теологический трактат «Манна хлеба животного» в ноябре 1687 г.⁴⁷ и «Акафист» преподобному Сергию Радонежскому, преподнесенный 28 мая 1689 г.⁴⁸

Можно предположить, что в библиотеке Софьи были книги, изданные в 80-е гг. на Украине, такие как «Благодарь и истина» Лазаря Барановича (1683), «Дар духа святыго» Богдановского (1688), «Боги поганские» Иоаниккия Голятовского (1686)⁴⁹ и «Три венца»

⁴³ Там же. С. 132; Боброва И.Е. Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978. № 182.

⁴⁴ Там же. № 93.

⁴⁵ Богданов А.П. Памятники... С. 132 – 143. См. также: Брайловский С.Н. Один из пестрых XVII столетия // Записки имп. Академии наук. Серия VIII. Т.5. № 5. 1902. С. 475.

⁴⁶ Боброва И.Е. Библиотека... № 94; Богданов А.П. Памятники... С. 27.

⁴⁷ Там же. С. 105 – 110.

⁴⁸ Прозоровский А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 466.

⁴⁹ Иоаниккий Голятовский (ум. 1688) – украинский церковный деятель, писатель, архимандрит Черниговского Елецкого монастыря. Автор книг «Ключ разумения», «Небо новое», «Наука или способ составления проповедей». «Боги поганские» – сочинение, посвящено Софье, в котором говорится о демонах, скрывающихся в статуях языческих богов и обманывающих христиан ложными чудесами. – прим. перев.

Варлаама Ясинского (1688).⁵⁰ Вероятно, у Софьи были и другие сочинения Барановича. Вспомним, что анонимный автор польского дневника 1683 г. недвусмысленно указывал, что царевна читала жития святых, которые на польском издал Баранович.⁵¹ Конечно, большая часть книг Софьи были религиозного содержания. Некоторые из них были собственноручно подписаны царевной, в том числе и ее монашеским именем Сусанна. Некоторые книги до сих пор хранятся в Новодевичьем монастыре, другие, вероятно, погибли в огне пожара 1812 г, когда большая часть библиотеки обители была уничтожена.⁵²

Одна из наиболее интригующих легенд говорит о том, что Софья сама была не чужда литературного творчества и сочиняла театральные пьесы. Английский путешественник Вальям Кокс в 1784 г. записал, что «она перевела комедию Мольера «Мнимый больной» и сама сыграла одну из ролей в этой пьесе».⁵³ Двадцать лет спустя Карамзин поместил Софью в пантеон российских авторов, потому, что якобы она «занималась и литературою: писала трагедии и сама играла их в кругу своих приближенных. Мы читали в рукописи одни из ее драм и думаем, что царевна могла бы сравняться с лучшими писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял бы ее воображением»⁵⁴<...>

К сожалению, причастность Софьи к театральной жизни не находит подтверждения в современных источниках<...>Как это ни обидно, нужно признать, что представление о Софье как писательнице относится к области мифов и легенд. В пьесе **Евдокии Ростопчиной** «Монахиня» Софья, исповедуясь молодому иноку, говорит ему, что она написала мемуары, «чтобы завещать оправданную память отчизне и потомству», но труд ее был сожжен «врагами».⁵⁵ Все «литературное наследие» царевны состоит из двух тайных писем князю Голицыну, написанных во время второй крымской кампании. Однако легенда оказалась живучей. В 1878 г. С. Моропольский опубликовал описание рукописного Евангелия из собрания Спасо-Преображенского монастыря в Каргополе, написанного «четкой и изящной» рукой Софьи с ее собственноручной подписью. В рукописи имелись выполненные от руки рисунки евангелистов, декоративные виньетки и

⁵⁰ Боброва И.Е. Библиотека... № 228.

⁵¹ В каталоге Бобровой отмечены только первые две из перечисленных книг. См.: Боброва И.Е. Библиотека... № 541 и 328.

⁵² Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. СПб., 1901. С. 13.

⁵³ Антушев Н. Историческое описание московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. 64.

⁵⁴ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Vol. I. London, 1784. P. 418. Полемику об этой книге см. ниже.

⁵⁵ Ростопчина Е. Монахиня // Москвитянин. 1843. Т. 5. № 8, 9. Благодарю Марию Зиринову, указавшую, что это стихотворение принадлежит известной поэтессе Е.Ростопчиной (1811 – 1858).

заглавные буквы.⁵⁶ Подлинность этих рисунков «благочестивой царевны» кажется еще более сомнительной, чем игра на сцене и переводы Мольера.

Все эти наблюдения ставят нас перед вопросом: можно ли назвать царевну Софью человеком «западной культуры», принимая во внимание не только ее личные качества, но и все ее окружение и жизненный опыт? Во многих отношениях Софья все еще оставалась в непосредственной близости от той «религиозной атмосферы», которая была создана при дворе ее отца Алексея Михайловича. Ее жизнь, скорее всего, протекала перед церковным алтарем и иконами, а не на театральных подмостках, а круг ее чтения состоял из Псалтири, Евангелия и житийной литературы, а не сочинений Мольера. Стены ее комнат украшали иконы и картины, написанные на библейские сюжеты. Как писал в своей классической работе о государевом дворе И. Забелин, царевна «по смыслу своего положения в обществе, была монастырка, постница, пустынноца».⁵⁷ Конечно, это был только официальный имидж, но он в значительной мере соответствовал действительности. Однако в то же время Софья была «скипетродержащей» правительницей, чья «щедрая рука» возводила храмы с классическими ордерами и убранством в стиле барокко, что свидетельствовало не об аскетизме, а любви к цвету и украшениям. И портрет «в орле», и стихи на гравюре Блотелинга, сравнивающие царевну с «Елисаветой Британской», посвящены не затворнице, а могущественной правительнице. Перечень товаров, закупленных для дворца в 1688 г. гамбургским торговым человеком Елиазаром Избрантом, также свидетельствует о том, что личный обиход царевны был далек от монашеского. Среди ее вещей были две шляпы со страусиными перьями, два круглых зеркала в черепаховой оправе, книжки памятные, шкатулки черепаховые, коробочки, вееры и ленты⁵⁸<...>

Нет ничего удивительного в том, что Софья и ее сторонники стали искать возможность венчания ее на царство. В 1689 г. при расследовании «дела Шакловитого» обнаружилось, что в августе 1687 г. была предпринята попытка убедить стрельцов подать властям челобитную. Шакловитый говорил, что Софья отправила его в Коломенское и просила его разведать, какова может быть реакция стрельцов, если «она государыня изволит венчатца царским венцом». Видимо, в конечном счете Софья «учинить того не изволила», опасаясь «гнева» своих братьев.⁵⁹ Однако сохранившиеся гравюры, на которых

⁵⁶ Моропольский С. Царевна Софья Алексеевна (Заметка) // Русская старина. Т. 23. 1878. С. 130 – 131. Об иконах см.: Энциклопедический словарь. Т. 5. СПб., 1900. С. 181.

⁵⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц. Т. 2. СПб., 1901. С. 181.

⁵⁸ Указ царей Ивана и Петра и царевны Софьи 7196 г. Марта 7 // Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1. С. 177 – 178.

⁵⁹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. С. 166 – 167.

она изображена с короной на голове, подтверждают реальность подобных амбиций. Как увидим, «заговор» с целью венчания на царство стал одним из основных пунктов обвинений против царевны<...> Но в итоге, решающее значение имело то, что Петр сам верил в существование заговора, тогда как для его сторонников было удобнее, чтобы захват власти их ставленником сопровождался полной дискредитацией Софьи и ее окружения<...>В самом деле, в четырех увесистых томах дела Шакловитого нет прямых доказательств тому, что Софья отдавала приказ убить Петра или кого-либо из членов его семьи.⁶⁰Подобные утверждения появляются в поздних источниках<...>

Несомненно, Софья хотела продлить свое боле или менее успешное правление, поскольку она уже привыкла к своему новому статусу. У нее появился вкус не только к внешним атрибутам, но и к самой власти. Образ Софьи, закрепившийся в нашем сознании, - это образ женщины, умевшей поставить на место любого мужчину. Она удаляет **Бугенанта**, ожидавшего своей участи в мае 1682 г., в июле того же года ополчается на раскольников, в сентябре отдает приказ о казни Хованского, принимает шведских и польских послов, брата Патрика Гордона лишь за то, что он осмелился подумать о своей отставке, устраивает торжественный прием князю Голицыну, сама произносит речь в свою защиту в Кремле в августе 1689 г., бросает вызов Петру, отправляясь в Троицкий монастырь, спокойно отвергает выдвинутые против нее обвинения в сентябре 1698 г. Если не считать Екатерины Великой, которая даже не была русской по происхождению, царевна Софья являет собой самую решительную и способную женщину, когда-либо правившую в России<...>

⁶⁰Там же. Т. 4. СПб., 1893. Указатель к имени Софьи на С. 164 – 174.